

«Лисий хвост» над Чусовым

Прошли вторые Астафьевские чтения

Во второй раз администрация Пермской области и Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» провели Гражданские чтения памяти Виктора Астафьева. Писатель родился 1 мая, поэтому чтения майские, но не Первомайские.

Известия — 2003 — 23 мая — с. 11.

Юлия РАХАЕВА

Всю вторую половину мая культурная жизнь в Перми бьет ключом. Возможно, это связано с тем, о чем сообщают многочисленные плакаты и растяжки: Пермь — 280 лет. Более чем успешно проходит первый международный фестиваль «Дягилевские сезоны: Пермь — Петербург — Париж», где была показана впервые поставленная в России опера Жюль Массне «Клеопатра», состоялся вечер памяти трагически погибшего балетмейстера Евгения Панфилова и прошел третий спектакль мировой премьеры на русском языке оперы Родиона Щедрина «Лолита» (два первых были чуть раньше, на них приезжали автор, а также Майя Плисецкая, Екатерина Максимова и Владимир Васильев). Фестиваль сопровождается симпозиум «Дягилевские чтения», семинар по музыкальному театру и «круглые столы». Буквально в те же дни здесь прошли и чтения памяти Виктора Астафьева.

При имени Виктора Астафьева в памяти всплывает название сибирского села Овсянка. Действительно, именно там он родился 1 мая 1924

года, туда к нему приезжал первый президент России Борис Ельцин, там же в конце ноября 2001 года Виктор Петрович Астафьев не стало. Но восемнадцать лет он прожил в городе Чусовой Пермской области и еще семь лет — в самой Перми. Поэтому пермяки, так же как и жители Красноярского края, где находится Овсянка, а также Вологды (там он прожил 11 лет), считают Астафьева своим земляком.

Пермь — город с давними культурными традициями, с ним связаны имена Сергея Дягилева, Павла Бажова, Мамина-Сибиряка, Аркадия Гайдара. Сегодня здесь живет неоднократная финалистка Букеровской премии Нина Горланова. Но само по себе это не сделало Астафьевские чтения фактом жизни, когда бы не люди. В первую очередь — историк, директор Мемориального центра «Пермь-36» Виктор Шмыров. Виктор Петрович Астафьев входил в совет этого центра с первых дней его существования, был его активным и работающим членом, в отличие от Александра Исаевича Солженицына, который, разрешив вписать свое имя в состав совета, сразу предупредил, что делать ничего не будет.

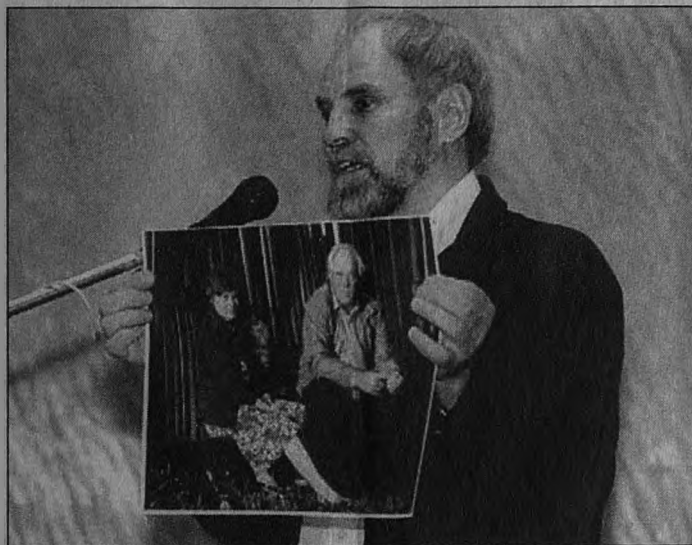
Вторые Астафьевские чтения проходили как все подобные мероприятия: пресс-конференция, пленарное заседание, работа по секциям, встречи с писателями и так далее. Но то и дело в них включивалось то, что могло быть только здесь. Например, открытие мемориальной доски на доме по улице Ленина, 84 (в те времена, когда в нем жили Астафьевы, номер был 172). Здесь были написаны «Кража» и «Пастух и пастушка». Получив квартиру, Астафьев «запомнил навсегда родившуюся в ту пору поговорку, что жизнь советского человека делится на две половины: до получения квартиры и после получения таковой».

Поездка в Чусовой стала для участников чтений своего рода визитом в прошлое. Городок, возникший 125 лет назад вокруг построенного бельгийцами металлургического завода, с тех пор менялся, похоже, лишь в сторону разрушения. Лучшее всего из зданий сохранились черные деревянные двухэтажные бараки, построенные бельгийцами (в просторечии французами) для рабочих в конце XIX века.

Экскурсию по астафьевским местам Чусового вел сын Виктора Петровича Андрей. Вот путь, которым шли пришедший с войны Астафьев с молодой женой от вокзала к дому (дорога до мельчайших подробностей описана в повести

«Веселый солдат»). Вот место, где было их первое жилье. Вот детский садик, куда ходили маленькие Андрей и Ира, школа, где они учились. Вот здесь стоял еще один дом, где жили Астафьевы, он тоже не сохранился. Вот подвал мясокомбината, где был написан первый рассказ. А вот, наконец, сохранившийся дом, где имеется музейная экспозиция, у которой есть все шансы стать настоящим домом-музеем Виктора Астафьева.

Андрей Астафьев нетвердо помнит, где что в то время лежало, дети на такие мелочи внимания не обращают, зато у старенькой няни, жившей тогда в семье Астафьевых, Секлетины Опаринной память хорошая. Пока все осматривали крохотный домик (непонятно, как пять человек в нем помещались, а Виктор Петрович даже умудрялся писать), во дворе появился пожилой человек, оказавшийся соседом Геннадием Хайруллиным, товарищем Виктора Астафьева по охоте и рыбалке. Вокруг все в зелени и буйно цветущей черемухе. Какая красота! — вздыхают участники чтений. И тут же в небе появляется огромный столб абсолютно рыжего дыма — непременный, как выяснилось, спутник какого-то из металлургических процессов. «Лисий хвост», — со знанием дела говорят местные жители, — у нас из-за этой красоты снег обычно лежит слоями: белый — рыжий, белый — ры-

На Астафьевских чтениях вспоминали о писателе и говорили о его творчестве

жий. Виктор Петрович за годы жизни в Чусовом навиделся таких «лисыных хвостов» немало».

После Чусового автобусы двинулись дальше, в деревню Кучино, где в 1946 году возникла ИТК Молотовского отделения ГУЛАГа (Пермь тогда была Молотовом). В 60-е годы в лагере, переименованном в «Пермь-36», содержались осужденные работники правоохранительных органов. А 13 июля 1972 года сюда, в «Пермь-35», позднее в «Пермь-37» из мордовских лагерей привезли партию политзаключенных. В разные годы здесь сидели Владимир Буковский, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Натан Щаранский, Леб Якунин.

И еще о литературе: на участке особого режима в одной камере

вместе сидели два писателя — русский прозаик Леонид Бородин и украинский поэт Василь Стус. Леонид Бородин выжил, он сегодня является главным редактором журнала «Москва». Василь Стус погиб в одиночке штрафного изолятора. Для того чтобы помнили, и был создан Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36». Сначала — почти на голом энтузиазме Виктора Шмырова, теперь вот обещает помочь деньгами Министерство культуры. Когда будет получена лицензия, центр станет полноценным музеем, причем абсолютно уникальным: «Пермь-35» — единственный лагерь, сохранившийся от сталинских времен почти в первоизданном виде.

Пермь — Чусовой — Кучино — Москва